

НАШИ ГОСТИ

МИРОНОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА

к. филос.н., доцент кафедры гуманитарных наук

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

ХРИСТИАНСТВО И ПСИХОЛОГИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются предметное родство и мировоззренческая зависимость психологии от базисных принципов и установок христианской идеологии, касающихся «внутреннего мира» человека, его индивидуальности и неотъемлемой свободы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: душа, индивидуальность, свобода, смысл жизни, любовь.

Взаимоотношения христианства и психологии многоплановы и не могут быть исчерпаны рамками мировоззренческого противостояния религии и науки, всё ещё муссируемого в современной западной философии. Тем не менее, эти взаимоотношения можно рассматривать в обоих аспектах сравнения мировоззренческих парадигм: как внутреннем, предметном, так и внешнем, общекультурном.

Говоря о предмете психологии, профессионалы обычно употребляют расплывчатые формулировки, как-то: «комплекс психических явлений» или «совокупность психических процессов». В то же время любой человек с улицы, не задумываясь, ответит нам, что психология занимается душой.

То есть хотя бы смутные представления о целостном центре психических явлений и процессов до сих пор присутствуют в сознании людей постхристианской эпохи, ведь именно эти представления формировались христианской идеологией на протяжении 15 веков. Конечно, «душа» для современного человека – понятие не из области рационалистической богословской догматики, но вместе с тем оно несводимо и к его материалистической научной трактовке. На уровне обыденного сознания родственным по отношению к этому пониманию является понятие «личности», а значит, здесь остаётся неизблемым специфически христианский атрибут души – индивидуальность.

Однако индивидуальное бессмертие, скорее всего, не было чисто христианским изобретением. Ещё в мифологии Древнего Египта, не говоря о вообще неизвестных нам древнейших цивилизациях, богиня истины Маат клала сердце умершего на чашу весов, где на противовесе лежало перо,

и если сердце оказывалось тяжелее, его пожирала богиня Амнат, лишая грешника всякой надежды на будущее воскрешение тела [1, с. 71]. Парадоксально, но индивидуальность души определяется телом, хотя главной задачей христианской идеологии стало преодоление дохристианских синкретических, языческих представлений о человеке и мире. Именно отсюда возникает понятие «внутреннего мира», противопоставляемого внешнему, а также внутреннего человека, внутреннего слова и т.д. Внутренний, сокровенный, невидимый мир лишён пространственности и протяжённости, его мерилom является время. Само берущее начало в вечности, время является индикатором души, без соотношения «время-вечность» её в принципе невозможно обнаружить. Эту идею первым высказал один из отцов церкви Августин Аврелий на рубеже IV-V веков нашей эры: «В тебе, душа моя, измеряю я время... Впечатление от проходящего мимо остаётся в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило» [2, с.305].

Такое бескомпромиссное разделение внешнего и внутреннего, тела и души, создало логическую проблему их соединения. И языческому мировоззрению в целом, и каждому вмняемому индивидууму в частности очевидно, что между внутренним и внешним нет той пропасти раскола, которой грезили христиане. Для греков душа и тело гармонично сосуществовали, образуя единство и единственность, уникальность человека. Тело овеществляло душу материей внешних впечатлений, душа определяла и оформляла действия тела при помощи эмоций, воли и, главное, разума. Христианские мыслители раннего Средневековья основывались на принципах, аналогичных идеям

платоновской философии, но уже истолкованных неоплатониками в духе своего времени, эпохи эллинизма: троичная структура души была спроецирована на космос и выстроена иерархически, наподобие государственной, имперской системы. В неоплатонизме душа отделена на своей ступени мировой иерархии как от всего материального, находящегося внизу, так и от вышестоящего разума. Таким образом, христианство противопоставляло духовное телесному, с одной стороны, и интеллектуальному – с другой. И если первое противопоставление нивелировалось благодаря парадигме *adecvatio*, соответствия, то для второго, сразу превратившегося в проблему противоборства веры и разума, уже в эпоху высокого Средневековья была специально изобретена теория двойственной истины.

Подчёркнутая обособленность внутреннего мира души необходима ввиду ещё одной революционной инновации христианства – абсолютной свободы. Если в дохристианские времена, даже у свободолюбивых греков с их демократией, свобода выступала в роли некой условности, договорённости, результата длительной эволюции человеческих отношений, то в христианстве свобода – главный атрибут души. Свобода невозможна в тварном мире, ограниченном тленной материей, её несовершенством и стремлением к саморазрушению. Свобода не терпит никаких ограничений, потому что находится у Бога, который безграничен и абсолютен. Проявления свободы вовне – результат внутреннего освобождения души, её торжества над телом, частичного или полного умерщвления плоти. Именно христианская аскеза разделяет внешнее и внутреннее, отдавая Богу Богово, а кесарю кесарево. Так структура души дополняется новым элементом – духовностью, которая, будучи выше разума, максимально отстранена от тела и даже находится в полярной противоположности к последнему. Смерть тела манифестирует жизнь души, а значит, приносит христианину долгожданную свободу духовного мира. Освобождение и очищение становятся доминантами христианского образа жизни и образа мысли.

В свою очередь, очищение связано с идеей греха, также в дохристианские времена не имевшей особо чёткого, специфического смысла. Грех был просто нарушением запретов, табу, норм, правил и соответственно карался социумом по всей строгости, но внешним образом. Христианское понимание греха усложняет данный феномен и утончает ту грань, которая разделяет

должное и недолжное. Истинный судья – не социум, а Бог, поэтому и наказание за преступление превращается из формальной процедуры в процесс поиска и обретения истины, себя и Бога, являясь как бы репетицией грядущего Страшного Суда. Завышенная планка требований к своему поведению у христианина обусловлена интровертностью идеи греха, где внешняя кара уже не имеет особого значения. Личность судит себя самостоятельно, опираясь на прецедент идеального поведения другой личности – богочеловека Иисуса Христа, по сравнению с которым любой человеческий поступок несовершенен. Христианство по сути своей асоциально: оно отбирает у социума его главную, регулирующую роль и ставит человека выше общества, предоставляя ему право самому выбирать путь и отвечать за грехи перед своей совестью.

Таким образом, христианство сформировало особую ментальность, основанную на идеях индивидуальности, свободы и гуманизма. Развитие средневекового понятия «внутреннего мира» дало толчок к появлению «Я-концепции» в эпоху Возрождения, до сих пор остающейся парадигмой наших представлений о себе. Психология как наука заполнила вакуум секуляризованного, атеистического и материалистического взгляда Просвещения на духовную сущность человека, в те времена вообще считавшегося природной машиной. Оставив физиологии и медицине изучение внешней оболочки – тела, психология занялась внутренним содержанием, незаметно унаследовав религиозные стандарты и методы в отношении своего предмета. Во-первых, главная задача практической психологии – решать проблемы личности – мало чем отличается от христианской миссии спасения души, т.е. так или иначе в обоих случаях посылом является стремление освободить человека от груза ошибок за счёт переосмысления пройденного пути и совершённых поступков. Во-вторых, сама потребность в консультации психолога возникает лишь при определённой интроспекции, когда человеку недостаточно лишь внешней, зеркальной, оценки этих поступков социумом, а также важно понимание себя и стремление к самосовершенствованию. Изменение и рост присущи внутреннему миру в отличие от внешнего, где всё возвращается на круги своя и количество материи сохраняется неизменным.

В-третьих, многие психологические проблемы зачастую имеют христианские корни, становясь расплатой за индивидуальность. Например, поиски смысла жизни как продолжение темы

теодицеи, оправдания Бога за зло, творящееся в сотворённом им мире, – подобного рода сомнения нехарактерны для нехристианских культур. Или феномен любви, напротив, встречающийся во всех человеческих культурах, в христианстве получил новую интерпретацию, связанную с идеализацией объекта любви, с одной стороны, а с другой – подразумевающую непрерывный диалог душ. Такое восприятие психологии любовных переживаний основано на христианском концепте *amour Dei*, божественной любви, дарованной человеку авансом, милостью божьей, и по огромности своей аргіогі являющейся безответной. Стремясь соответствовать, быть достойным благодати, человек всё равно не способен достичь полноты ответного чувства, так что любовь как восхождение души к Богу становится бесконечной во времени и при этом ни в одну минуту христианин не может быть уверен в том, что действительно любит. «Но если любовь к Господу нашему «сильна как смерть», она также убивает человека в духовном смысле и по-своему разлучает душу с телом. Но происходит это тогда, когда человек всецело отказывается от себя, освобождается от своего «я» и таким образом разлучается сам с собой» [3, с.110].

Подобные метаморфозы в христианстве претерпевают и другие человеческие чувства и

понятия: дружба и вражда, честь и подлость, месть и прощение. Противоположности заостряются и абсолютизируются, между ними исчезают переходы. Христианский взгляд на мир дискретен, его оценки разрывают континуум событий и вызванных ими эмоций, но, прежде всего бескомпромиссен взгляд человека на самого себя. Другие, родственные христианству мировые религии, как-то: иудаизм и ислам – напротив, перенаправляют нетерпимость вовне и более снисходительны к человеческим слабостям своих адептов. Мусульманину, в частности, разрешено даже клятвопреступление, если в противном случае существует опасность для его жизни со стороны врагов веры. Возможно, поэтому ни буддисту, ни мусульманину, ни приверженцу Вуду, ни представителю неевропейской культуры вообще психолог и психоаналитик, по большому счёту, не нужны. Само появление феномена психологии как попытки изучения внутреннего мира обусловлено развитием представлений о человеке в европейской цивилизации, начиная с античности и включая значительный по времени и познавательному вкладу период Средних веков. Смена религиозной картины мира научной не внесла кардинальных перемен в эту область знания, сделав психологию если не субстратом христианства, то, по крайней мере, передав ей некоторые мировоззренческие функции последнего.

1. Августин А. Исповедь. – М., 1991.

2. Экхарт, Мейстер. Духовные проповеди и рассуждения. – Киев, 1998.